

Е.А. Макарова

Томский государственный университет

**Формирование образа Сибири
в творческом сознании В.Г. Короленко**

Аннотация: В статье рассматриваются развития аспекты сибирской темы в творчестве В.Г. Короленко. В свете поставленной проблемы анализируются рассказы сибирского цикла писателя.

Ключевые слова: русская литература, сибирская тема, В.Г. Короленко.

Сибирь «вошла» в судьбу В.Г. Короленко на самом раннем, но и бурном этапе его творческой биографии. Молодой писатель окажется в ней уже после ряда ссылок в Глазов и Березовские Починки Вятской губернии, заключения в Вышневолоцкой политической тюрьме. В январе 1880 года Короленко отправится по этапу в Западную Сибирь, но доедет только до Томска, затем неожиданно для него самого будет возвращен в Пермскую губернию на поселение. И только после всех этих испытаний, топографических и душевных кружений, после отказа дать присягу новому царю он, в декабре 1881 года, отправится в свою самую дальнюю и продолжительную ссылку в Якутию, которая продлится до 1884 года.

Итогом этого станут его сибирские рассказы и очерки, которые явятся не только продолжением знаменитой «сибирской темы» в русской литературе, но и окажутся настоящим прорывом в ней.

Вспомним, что формирование образа Сибири началось еще с конца XVII века в неподражаемом «Житии протопопа Аввакума», где энергичного героя энергично окружал и мир и где впервые в русской средневековой литературе был дан эмоционально окрашенный пейзаж, рисующий величие и богатство сибирской природы.

В романтическом мировосприятии декабристов начала XIX века Сибирь, в большей своей мере, предстала как «безотрадная страна», «страна метелей и снегов», «край, слезам и скорби посвященный». И здесь очевидна связь сибирского хронотопа с индивидуально-личностной судьбой романтического героя, сама же Сибирь воспринимается как своеобразный эквивалент Кавказа, так как она соответствовала выстраиванию картины мира по принципу «расподобления обыденности».

Понятие же Сибири как «образа» впервые возникает у Достоевского, где субъективный взгляд человека, гонимого по этапу судьбой, переходит в объективное постижение этой проблемы глазами писателя-реалиста, художника-гуманиста. И образ «мертвого дома», напрямую соотнесенного с дантовским адом, дает потрясающую универсальную формулу Сибири, которая затем уже у Лескова и Короленко, Чехова и Толстого предстанет в виде «страны изгнания», «края света», «страны-ада», в котором необходимо и возможно спасение, данное через призму религиозно-этической концепции писателей.

Таким образом, в романтической и реалистической литературе к концу XIX века отчетливо сформируется образ «каторжной» Сибири, отраженной в творчестве К.Ф. Рыльева, И.А. Кушевского, М.А. Бестужева, А.А. Бестужева-Мар-

линского, И.Т. Калашникова, Ф.Д. Нефедова, Н.И. Наумова, В.Г. Тана-Богораза, И.В. Оммулевского, А.П. Щапова, Н.М. Ядринцева и других [Батеньков, 1933]. Правда, у писателей-областников наблюдается больше этнографический подход к проблеме, где, за счет взгляда изнутри, происходит явное ослабление эстетического и философского мировосприятия Сибири.

С все большим наращением смыслов в понятии «образ» формируется и своеобразный «сибирский текст», который в русской литературе второй половины XIX века выразит себя наиболее адекватно. Понятно, что у каждого художника он будет складываться по-разному не только в силу его мирозерцания, но и в связи с тем, при каких биографических и творческих условиях они для себя Сибирь открывали.

Достоевский поэтапно, шаг за шагом, в кандалах будет постигать этот край, в то время как в мировосприятии Лескова, ни разу в Сибири не бывавшем, страна эта больше существует на уровне писательской интуиции и воспринимается то как «край света», то как вариант «потерянного рая». Чехов предпримет добровольное путешествие и, по пути на каторжный остров Сахалин, откроет для себя Сибирь как пространство принципиальное, где мотивы смерти, ада, мороза сменяются в итоге гимном природе и человеку, это пространство преодолевающим и побеждающим.

Сибирь в сознании европейца всегда представляла в ореоле страшного и, вместе с тем, таинственного, притягательного пространства. Это на долгие годы определяет в культурно-психологическом плане восприятие Сибири и ее изображение в русской литературе. И ведущее здесь – именно в этом в остром ощущении культурно-психологической дистанции, пролегающей между Европейской Россией и Сибирью. Как точно замечает Н.Е. Меднис, «оппозиция «свое-чужое» актуализировалась в сознании человека, пересекавшего Уральский хребет, несмотря на то, что логически он понимал – реального рубежа здесь нет: все это, по ту и по эту сторону Урала, единая территория России» [Меднис, 1987, с. 56].

В.Г. Короленко будет узнавать и открывать для себя Сибирь поэтапно. На первоначальной стадии в его сознании уже заложены некие устойчивые штампы-клише, стереотипы, сформировавшиеся в сознании русского европейца конца XIX века, которые он собственной судьбой и опытом постепенно преодолевает.

Обратимся к его *письмам* этого периода, которые обнаруживают явную эволюцию писателя. В июле 1879 года, находясь в Глазове, он впервые сталкивается с возможностью оказаться в Сибири и записывает: «Сибирь – это уже такое слово несчастное!» [Короленко, 1935, с. 37]. Понятно, что она для него, на первоначальном этапе восприятия, целиком и полностью адекватна общепринятым и установленным понятиям «страны-ада», «края света», «гиблого края». Но, в то же время, это и та страна, которая уже имеет свою трагическую историю-судьбу, связанную со многими знаковыми именами. Поэтому, когда с февраля 1880 года ссылка в Сибирь становится реальностью, Короленко начинает к ней готовиться и психологически: «Здоров и настроение ничего, – пишет он родным из Вышневолоцкой политической тюрьмы. – Что ж! Сибирь, так Сибирь – не пустыня ведь!» [Короленко, 1935, с. 98].

И в последующих письмах, со свойственным ему оптимизмом и стоицизмом, он совершенно сознательно дает себе и своим адресатам эти необходимые психологические установки: «Хоть и Сибирь, так и то лучше одиночки и неизвестности...»; «Сибирь – еще одна ступень и, кажется, я шагну на нее совсем уже твердо» [Короленко, 1935, с. 109]. «Если бы друзей выпустили, то хоть бы сюда послали, – тогда бы и отправился я в Сибирь, точно на праздник... Скоро в путь! – Куда-то судьба занесет? Во всяком случае – где бы ни было, все-таки не беда»; «Впрочем, – добавляет он дальше, – разочарование меня не пугает: я свылся с

мыслию о Сибири и хорошо знаю, что в Европе тоже всякие места бывают, – ну хоть Глазов – чем лучше» [Там же, с. 129].

Но все-таки, когда он доезжает первый раз до Томска в августе 1880 года, а оттуда партию политссыльных неожиданно возвращают назад, Короленко уже пишет письмо, в котором ощущение человека, чуть не переступившего границу, соотносимы с возвращением из царства смерти: «Не ждал такого с той минуты, когда ступили на сибирскую почву. На пограничном столбе для нас стояла дантовская надпись: “Оставь надежду!” И вдруг, этакой пассаж» [Там же, с. 134].

Восприятие рубежной функции Уральского хребта, находящегося в центральной точке между Европой и Азией и окруженного горами, неоднократно осмыслялось теми, кто переступал эту грань, как трагически-знаковый переход. И это уже «не родина», а земля заведомо чужая, враждебная, со зловещим именем – Сибирь. Это отношение к ней как к «своему» и одновременно «чужому» позволяло воспринимать и описывать ее не только отстраненно, но и остранным, что, в свою очередь, вело к предельной актуализации, культурно-психологической дистанции, обостренности чувства и укрупненному видению и изображению сибирского хронотопа. Его бесконечность и незаполненность лишают человека всех возможностей ориентации, и он оказывается абсолютно несоизмерим с пространством, в силу чего находится с ним в состоянии вечной отчужденности. На это очень точно указывает В.Н. Топоров: «При переходе к новому пространству человек оказывается лишенным прежней неосознаваемой опоры в виде старого пространства с его свойствами, и его охватывает тот шопенгауэровски-ницшеанский ужас, который неотъемлем от человека, вдруг усомнившегося в формах познания явлений» [Топоров, 1983, с. 250].

Дальнейшие письма, предварявшие ссылку Короленко в Якутию, и те, которые он пишет оттуда, все еще демонстрируют ситуацию отчуждения, но и постепенного освоения «чужого» пространства: «Опять к черту на кулички, – пишет он из Перми в августе 1881 года. – Я отказался от принятия присяги, мотивировав этот отказ, а теперь еду в Сибирь»; «Назначаюсь в Восточную Сибирь, – сообщается уже из Тобольска, – но, конечно, она велика. Куда Бог занесет, не знаю. Но куда бы ни занесла судьбина – буду работать, и это даст мне силу выждать лучших времен и свободы. Не страшно, только досадно» [Короленко, 1935, с. 161]. И действительно, Короленко теперь не испытывает того леденящего ужаса, который был им пережит при первой встрече с Сибирью.

В интонации писателя при ее описании нет ненависти и проклятия, основной же тон – печальное и скорбное осознание неизбежности тягостной российской драмы. Это подготовит то новое восприятие Сибири, которое уже наиболее ярко выразится у Глеба Успенского в его образе «виноватой России» [Успенский, 1903], а сама Сибирь предстанет в неразрывной общности с Россией европейской.

Таким образом, оказавшись в далекой Якутии в восьмидесятых годах, молодой писатель вбирает в себя весь тот сплав знаний по «сибирскому вопросу», который к этому времени уже сформировался в русской литературе и культуре. Сам же Короленко всегда говорил о специфике своего художественного метода как о сплаве образа и публицистики.

Действительно, вспомним, что помимо писем, во многом уже отразивших «картину мира» писателя, в эти годы он начинает вести и свой *дневник*, наряду с записными книжками и созданием первых сибирских рассказов. И вот это тесное взаимодействие дневника с художественными и публицистическими жанрами демонстрирует характерное для его творческого метода взаимопроникновение художественных и дневниково-эпистолярных элементов. Сам же дневник Короленко явно эволюционирует в том же направлении, в каком происходит развитие его художественной манеры – к усилению публицистического начала, но с сильно выраженным субъективным тоном.

Дневник как жанр представляет собой последовательность регулярных записей, отражающих события дня в конкретном месте и в определенные часы. В этом смысле он является открытой системой, в отличие от замкнутости и заданности произведений словесного искусства. У Короленко же происходит явное размывание этой системы, так как сюда он, по сути, включает все, что перерабатывает на определенном этапе его сознание. Но больше всего его дневник напоминает своеобразную студийно-творческую лабораторию писателя. Нередко подневные записи в нем заменяются письмами, в него вносятся законченные художественные миниатюры, активно проникает в текст «чужое» слово, многие записи носят полемический характер.

Тем не менее, как подчеркивает О.Г. Егоров, «вся эта мнимая калейдоскопичность скрепляется единством стиля и личностью автора. Скрепленность разнородного материала дневника стройной и отчетливо выраженной мировоззренческой позицией писателя является их главной отличительной особенностью» [Егоров, 2002, с. 271]. Вследствие этого становится понятным, что дневник Короленко не становится привычным выразителем не нашедших для человека выхода психологических содержаний, а на начальном этапе отражает больше особенности судьбы и творческой манеры самого писателя.

Начало ведения дневника Короленко приходится на период второй ссылки. Первые записи сделаны на пароходе, доставившего ссылного из Перми в Якутскую область. И понятно, что первые впечатления будут связаны с дорожными встречами, экстремальными ситуациями, описанием экзотической природы Восточной Сибири и ее представителей, чем очень напомнят типичные путевые заметки и очерки.

В подобном методе ведется и *записная книжка* Короленко, начало которой относится еще к 1879 году. И это такого рода жанр, который Л.Я. Гинзбург назвала «промежуточным» и который несет черты «разорванности и случайности». По словам исследователя, «записная книжка и есть форма ничем не предопределенного совмещения материала, произведение, которое якобы отказывается от конструктивности с тем, чтобы дать дорогу материалу, и тем самым становится новой конструкцией» [Гинзбург, 1982, с. 85]. Она сохранилась в архиве писателя, и на ее страницах отмечен весь его путь от Перми в Амгу Якутской области: с подробным перечнем станций, со счетом верст между ними и отметками событий в пути. Здесь же присутствуют и наброски тем художественного характера, которые затем выльются в сюжеты его сибирских рассказов, таких как «Убивец», «Черкес», «Мороз», «Государевы ямщики».

Но все же самое большое место в дневниках и записной книжке отводится описаниям природы Восточной Сибири, и уже в этих отрывочных записях проявляется, насколько чутко писатель уловил и определил ту специфику, что составляет особую, неповторимую сущность сибирской природы и быта.

Одна из первых записей в дневнике относится к 1881 году. Описание реки Лены, на берегу которой оказываются путники, сразу задает характерную колористическую картину, проникнутую общим духом уныния и печали: «Весь пейзаж, с темной рекой, схваченной белыми песками, с бледной зеленью и бледным небом, – носил какой-то особый сибирский отпечаток. Тихо, грустно и бледно, точно все это недорисованный или поблекший ландшафт великого мастера, или неоконченная работа творца. В бору не было слышно ни стука дятлов, ни голосов птиц. Он стоял безмолвно и, казалось, ожидал первых ударов зимы, чтобы замереть окончательно» (курсив наш. – Е.М.) [Короленко, 1925, с. 22].

Подобный, но уже более экспрессивный пейзаж, созданный не только через живописный ряд, но и звуковой строй присутствует в записной книжке этого периода: «Мороз – великий владыка широкой пустыни – сжимает воздух; иней валится, искрясь белыми широкими хлопьями. Лед трескается от холода; по реке

гремят точно выстрелы пушек, удаляясь все далее и далее, *отдаются* они меж гор и сопок, *замирая* в морозной дали... Полночь Рождества 1882 года... Колокольчик *тревожно выводит свою долгую тоскливую песню...*»(курсив наш. – Е.М.) [Короленко, 1935, с. 70].

Как видим, первые впечатления Короленко показывают не только «недорисованный, поблекший пейзаж» Сибири, но и демонстрируют почти полное отсутствие красок, света, звука. И эти бескрасочность, бледность, грустная тишина неизбежно порождают мотивы сна и смерти, которые проецируются на образ Сибири. Многие же отрывки из писем, дневников и записных книжек кажутся цитатами из завершенных произведений, настолько эстетически полноценно они выглядят.

Сами же «*Сибирские рассказы*» становятся уже настоящей летописью ссыльной жизни Короленко, что красноречиво подчеркивают подзаголовки к ним: «страничка из прошлого», «из сибирской жизни», «очерки из жизни в далекой стране». И вот эта явная соотнесенность документального и художественного, очеркового и литературного, древнемифологического и остросоциального аспектов становится яркой приметой художественного метода писателя. Многие свои сюжеты он сводит до уровня «картинок с натуры» и даже переводит нередко в трагедийный план, но обнаруживает, в то же время, и постоянную способность возвращаться к высоким первоисточкам и «подзаряжать» самую прозаическую, предельно обывательную реальность.

«Сибирские рассказы» Короленко исследователи традиционно делят на два цикла. К первому относятся те, что писались в восьмидесятые годы в период ссылки, и это «Чудная», «Яшка», «Убивец», «Сон Макара», «Соколинец», «Федор Бесприютный», «Черкес». Вторым же циклом создавался уже в девяностые годы. Сюда относятся рассказы «Искушение», «Ат-Даван», «Марусина заимка», «Огоньки», «Последний луч», «Мороз», «Государевы ямщики» и «Феодалы».

Основными героями в них являются все те же ссыльные, бродяги, каторжники, поселенцы, в огромном количестве встречавшиеся писателю на пути. Но чем дальше движется мысль художника, тем больше ощущается внимание не столько к отдельным сторонам характера героев, сколько к расширению драматического конфликта, где образ Сибири получает все более всестороннее и глубокое освещение.

Вся публицистика и художественное творчество Короленко проникнуты темой, образами и мотивами пути. И это заложено изначально в модели его мироповедения, о чем он пишет в «Истории моего современника»: «Жизнь кидала меня таким прихотливым образом, что мне пришлось видеть и, главное, почувствовать все слои русского народа, начиная от полудикарей якутов или жителей таких лесных углов европейского Севера, где не знают даже телег, и кончая городскими рабочими» [Короленко, 1955, с. 141]. Поэтому новые элементы поэтики очевидны и в пространственно-временной организации записей.

«География» охваченных текстами Короленко явлений необычайно обширна. Сущность ее заключается в соотнесенности близких по времени событий, происходящих в пространственно далеких точках. Такую разновидность хронотопа О.Г. Егоров называет «континуальной», подчеркнув, что связь между одновременно происходящими событиями у писателя носит «не случайный, а причинно следственный характер. И в данном случае Короленко, используя чисто художественный метод, указывает на типичность события, устанавливает его общезначимый смысл» [Егоров, 2002, с. 276].

Постепенно образ Сибири в мировосприятии писателя становится все более подвижным и амбивалентным. В статье М.К. Азадовского «Поэтика гиблого места», посвященной сибирским рассказам Короленко, показана в большей мере одна сторона восприятия им этой суровой и холодной страны. Исследователь ярко

иллюстрирует свою мысль, показывая, как сменяются на страницах рассказов суровые и печальные приленские виды. Встают «огромные и причудливые, молчаливые» горы со склонами, по которым цепляется «жидкая листвень» и которые усеяны «трупамидеревьев, запорошенных снегом, с вырванными из почвы, судорожно скрюченными корнями». И, кажется, все время слышишь, вернее, чувствуешь, простодушное восклицание старого станочника: «Господа рассейские, есть ли еще такая сторона на белом свете!» [Азадовский, 1947, с. 175-176]. В итоге такой ракурс видения дает основание исследователю говорить о разладе человека и мира, который не может слиться с бытийным космосом, так как природа отчуждена от него.

Но необходимо разведение позиции автора и героя хотя бы потому, что для последнего характерен взгляд изнутри как для человека, вынужденно находящегося здесь и проклинающего этот «гиблый край». Поэтому и для станочника Фрота из «Государевых ямщиков», и для героев «Соколинца», «Марусиной заимки», «Ат-Давана», которые, будучи изгнанниками, насильно оторваны от «светлого и ласкового» обаяния природы своей родины, Сибирь представляет образ «печальной и мрачной страны». Основным же мотивом становится ощущение тоски и холода, осознание гиблости этой «холодной и равнодушной природы».

При таком ракурсе гораздо важнее представляется эстетический взгляд художника извне, который за этим нагромождением камней и гор, может увидеть «последний луч», «игру реки» и те «огоньки», которые светят его затерявшимся в снежной пустыне путникам. В «Истории моего современника», создававшейся уже через много лет после ссылки, писатель вспомнит свое впечатление от первой ночи в Амге: «Я вышел наружу и был прямо поражен необыкновенной красотой прозрачного северного неба. Прямо против нашей юрты сверкало созвездие Большой Медведицы. Оно показалось мне несколько выше и ярче, чем у нас, вероятно, вследствие сухости и ясности воздуха... По временам кто-нибудь спящий в юртах просыпался от холода и подбрасывал дров. Тогда из трубы камелька бурно вырывался столп искр, и дым, энергично клубясь, подымался к небу... Я вошел в юрту и улегся на ороне под самой льдиной окна. Когда я погасил свечу, три фосфорических пятна странно выступили на темных стенах. За ними опять мне чудилась та же волшебная сверкающая ночь. Все мне казалось фантастическим, проникнутым невиданной красотой и интересным». И характерна конечная рефлексия автора, соотносящая близкие события, происходящие в пространственно далеких точках: «Я думал об истекшем годе, о том, куда меня теперь закинула судьба, о далеком Красноярске, о сестрах Ивановских, о далеких друзьях и, кажется, *долго еще улыбался во сне*» (курсив наш. – Е.М.) [Короленко, 1955, с. 296].

Таким образом, в подобных записях мы имеем дело не просто со специфическим пространственно-временным континуумом, о котором уже упомянули, но хронотоп начинает осмысляться Короленко как одновременность пространственно удаленных событий, с одной стороны, с другой же, как процесс, как движение «типического» явления со всеми его закономерностями.

Писательская модель «несущегося в беспредельном океане мира» определила доминирование в его произведениях хронотопа дороги и дорожных встреч. Все это в итоге формируется разомкнутым, бескрайним пространством Сибири, которое, в свою очередь, противопоставляется у писателя хронотопу тюрьмы, где замкнутое пространство с остановившимся временем окрашено в отрицательные эмоционально-ценностные тона. При постижении Сибири в мировосприятии Короленко постепенно формируется образ безграничных неосвоенных земель в противоположность всероссийской «тесноте» и «скученности». И если учесть, что Короленко никак не урбанист, в отличие от многих своих современников, то становится понятным, что идея-образ пути вбирает в себя важнейшие и самые существенные моменты его мироощущения, выводя к своеобразному пантеизму.

Природа и человек существуют у него в постоянной взаимосвязи, где ощущается не только нужда человека в природе, но и природы в нем. Этот прием «оживления» и «ожидания» природы постепенно наполняет жизнью и образ ледяной Сибири. С традиционными мотивами «мороза», «вьюги», «метели» он вводит в пространство своих рассказов и очерков мотивы «освежающего ветра», «огня» и тех «огоньков», которые становятся для него «островками прекрасного». Попытка его героями найти дорогу в бездорожье – это, по сути, поиски «правильной веры», где человек выступает уже в своем земном выражении отношений с Богом.

Обращение же к собственно литературному тексту ведет писателя к необходимости «убрать леса», освобождению художественной ткани произведения от излишней сухости, протокольности, очищению ее от пространственных публицистических отступлений и авторских рассуждений, что связано с установкой на читательское восприятие. Здесь уже для обогащенности художественного текста Короленко активно использует традиции фольклора, говоря языком притч, народных легенд, преданий, сказок, песен.

Наиболее показательным в этом плане станет один из первых сибирских рассказов писателя – «Сон Макара», созданный зимой 1883 года в период Амгинской ссылки. С одной стороны, он являет типичный святочный канон, что отражено уже в подзаголовке к рассказу. С другой, проявляет жанр сказки, отражая определенную стилевую тенденцию, характерную для его творческой манеры.

Но наряду с явным функционированием этих жанров в рассказе заложен и типично «визионерский» сюжет, где показан трансперсональный опыт воссоединения «я» человека с миром. Отвлекаясь от условной формы святочного сна, здесь можно найти аналог с шаманским ритуалом «путешествия». В противовес психологии декаданса для Короленко свойственно оптимистическое мировидение, а значит и органичное ощущение связи человека с миром. Сущность его пантеизма как раз и заключается в этом стремлении «запечатлеть», «охватить», «разом увидеть» природу-жизнь-мир.

Писатель всегда стремился проникнуть во внутренний мир человека из народа, полагая, что его «духовная реальность» важнее видимого существования. В записных книжках сохранилось много материала, демонстрирующего его постоянный интерес к якутскому фольклору и верованиям. Так, им были записаны еще в 1880-е годы варианты исторических преданий о легендарных героях-разбойниках Манчары и Омуоча, предание о богатыре Омолоне, народные поэмы, называемые олонхо, которые рождаются в процессе исполнения [Короленко, 1935].

Позитивистский взгляд на человека как на «физиологическую машину», активно развивающийся в философии его времени, был глубоко чужд художнику. И один из самых главных мотивов его творчества – торжество человеческого духа над материальной оболочкой. Писатель всегда утверждал, что в человеческой природе заложено стремление к полноте существования вопреки всем реальным обстоятельствам, в которых вынуждены проживать его герои.

Воспринимая Сибирь как пространство не только полиэтничное, но и этноконфессиональное, Короленко постоянно обнаруживает непредвзятый интерес к «чуждому» менталитету, желание понять и осмыслить его во всей непохожести как полноправную часть человеческого мира.

Согласно феноменологии Э. Гуссерля о двух типах созерцания, «эмпирическом» и «эйдическом» [Гуссерль, 1999], мировоззренческая система Короленко, как нам представляется, в большей своей мере принадлежит сфере «эйдической», так как она основана не только на познании «истины», но и на характерном тяготении к конкретным фактам жизни, не поддающимся эмпирическим толкованиям.

Это заложено, прежде всего, в натуре его героев, которые не поддаются однозначным оценкам. Яшка, Черкес, Соколинец, Федор Бесприютный, Степан из

«Марусиной заимки» представляют, несомненно, варианты типичных романтических героев. Они не просто неординарные люди, но личности исключительные, отмеченные печатью истории, природы, судьбы, что выражено уже на уровне портрета, подчеркивающего беспокойность и пылкость их страстных натур, и выразительного, трагически-окрашенного пейзажа.

Рассуждая о сути своего метода, Короленко писал: «Современные реалисты забывают, что реализм есть лишь условие художественности, условие, соответствующее современному вкусу, но что он не может служить целью сам по себе и всей художественности не исчерпывает... Мне кажется, что новое направление, которому суждено заменить крайности реализма, будет синтезом того и другого... Открыть значение личности на почве значения массы – вот задача нового искусства, которое придет на смену реализму» [Короленко о литературе, 1957, с. 414]. Пробным камнем в попытке совмещения двух различных систем для него станет отношение к героическому.

Из соединения реализма «будничных картин» с идеализмом настроения и возникает тот особый сплав романтизма Короленко, который внес свою неповторимую струю в литературную панораму эпохи. Понятно, что это ни в коей мере не является реставрацией романтизма начала века. Романтизация у писателя нарастает органично с развертыванием именно сибирской темы, что является во многом следствием изменения масштаба его мировосприятия, заданного сибирским хронотопом. Он сменяет в русской литературе этого времени хронотоп кавказский и наделяется, как мы уже показали, определенными символическими смыслами.

Здесь и формируется знаменитая «*бродяжническая*» тема Короленко. В своих сибирских рассказах и очерках главное внимание он уделяет фигуре пришельца и его судьбе внутри сибирского социума, то есть той теме, которая нередко обнаруживает ситуацию покорения человека Сибирью, что ведет нередко к его индифферентности и деградации.

Образ же кочевника-бродяги теснее всего связан с мотивом дороги, сюжетом путешествия, так как это герой открытого пространства. Дар бродяг Короленко заключается в том, что они умеют носить мечту о лучшей жизни, но, в то же время, воспринимают ее и как крест, освященный неземным идеалом.

Но за этой самобытностью и исключительностью героев проявляется и другая сторона творческого метода писателя, связанная с эстетикой реализма. За всеми событиями стоит автор, трезвомыслящий человек и аналитик, который снимает всякую абсолютизацию и возвращает себя и героя в быт. Исключительные события, происходящие в жизни, самими героями нередко воспринимаются как нечто почти обычное, ведь для них это и есть настоящая жизнь.

Стремление героев Короленко к максимальным проявлениям своей личности уводит их в тайгу, Сибирь, в опасную и беспокойную жизнь. Среди его аборигенов, добровольных поселенцев, ссыльных, бродяг встречаются люди самых разных национальностей: русские, якуты, татары. Это, в свою очередь, выводит писателя к проблеме инационального, что в свое время продемонстрирует литература русского романтизма, выстраивая взаимоотношения человека цивилизации и человека «природного» на явной оппозиции.

В литературе же конца века нерусские герои уже часто для авторов представляют самостоятельный познавательный интерес, так как сама общая картина жизни начинает терять «русскоцентричность». Расширение границ охвата русских миров приводит к введению новых национальностей в культуру и литературу, помимо привычных для романтизма горцев, евреев и цыган. У Гончарова – это малайцы, китайцы и японцы, у Лескова – зыряне-гунгузы, у Чехова – айны, у Короленко – якуты и сибирские татары. Утверждается все более аналитический подход литературы к нерусскому, ориентированный на непредвзятый интерес к

«чужому» менталитету, желание его понять и осмыслить во всей непохожести. Подобная логическая цепочка разворачивается и у Короленко, который делает акцент не на разрозненности, а соединении своих героев. «Я не считаю, – писал он, – что национальность есть долг, это только факт» [Короленко, 1988, с. 362].

Таким образом, мы видим, что писатель в своих сибирских рассказах не воскрешает прежнюю романтическую систему и не является творцом неоромантического. Напротив, «созданное им явно наделено чертами синтетичности, что само по себе обнажает процесс зарождения в недрах просветительского реализма прогрессивного романтизма конца XIX века» [Меднис, 1987, с. 62].

Все герои сибирского цикла у писателя – люди великой тоски. Но при этом живет в сознании писателя, а значит, и его героев, вера в разумный и добрый смысл мира. Он верит, что и в мертвящих условиях жизни, порожденных сибирским хронотопом, в душе человека не угасает надежда на лучшую долю, что свет во тьме светит, и тьма не поглотит его.

Литература

- Азадовский М.К. Очерки литературы и культуры Сибири. Иркутск, 1947.
- Батеньков Г.С. Повесть собственной жизни // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х гг.: В 2 т. М., 1933.
- В.Г. Короленко о литературе. М., 1957.
- Гинзбург Л.Я. О старом и новом. Статьи и очерки. Л., 1982.
- Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1999. Т. 1.
- Егоров О.Г. Дневники русских писателей XIX века. М., 2002.
- Короленко В.Г. Воспоминания. Статьи. Письма. М., 1988.
- Короленко В.Г. Записные книжки. (1880-1900). ГИХЛ., 1935.
- Короленко В.Г. Письма из тюрем и ссылок. (1879-1885). Горький, 1935.
- Короленко В.Г. Полн. посмертное собрание сочинений. Дневник. ГИЗ Украины. Полтава, 1925.
- Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10 т. М., 1955.
- Меднис Н.Е. Сибирские рассказы В.Г. Короленко в контексте русской культуры и литературы XIX века // Сибирские страницы жизни и творчества В.Г. Короленко. Новосибирск, 1987.
- Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: Семантика и структура. М., 1983.
- Успенский Г.И. Поездка к переселенцам // Успенский Г.И. Полн. собр. соч.: В 12 т. Киев, 1903.